

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Однажды у Надьки

У меня не было денег, у меня было поганое настроение и сессия на носу. При таких слагаемых сумма носила имя «Надька». Я ее знал больше года. Надька была старше меня на двадцать лет, не брила ради меня ноги, грудь у нее была бесформенная, фигура — полноватая. Но она всегда все делала по уму... она знала, что перед сексом мне надо отлить, что я люблю холодную минералку, она спрашивала на пороге «как дела?» (дежурно, но спрашивала!), и главное, ей не надо было звонить перед приходом. Если на мой стук в дверь никто не отвечал, я разворачивался и уходил. Если Надька была дома, она меня принимала.

В этот раз все было как-то не совсем привычно. Я не понял, в чем дело, в прихожей было пусто, как будто половины вещей не было, но вроде бы ничего конкретно не пропало. Сама Надька казалась рассеянной. Я спросил... «А где всё?» — «Я стенку новую покупаю». — «А-а-а...» Она мягко засосала мои губы, и это тоже было на неё не похоже — обычно мы сначала перемещались через кухню в комнату. Я хотел сунуть руку под халат, раз уж так все завертелось, но и халата на ней не было, была шёлковая блузка, вполне приличная. Торопится, что ли, куда? Наверное, так и было... моя «неотложка» собралась по делам, но ради меня притормозила. Ладно, Надь, спасибо за твое большое сердце и всё остальное, тоже большое, но щедрое. Если ты спешишь, то и я поспешу.

Я заскочил в сортир, а потом мы молча откочевали к ее двойной кровати. Два на два метра, отличная штука. Надька раздела меня со скоростью метеора, молча, нервно. Толкнула в грудь. Я упал на горку подушек и решил расслабиться. Ей виднее, как ей ловчее. Моя старая любовница раздвинула мне ноги коленом, ловко поместилась возле паха и начала ласкать член. Она была полностью одета, и я понял, что сегодня все ограничится минетом. Еще один сюрприз. Раньше если она мне его и делала, то только ради того, чтобы подзавести, потом я работал сам. Я лежал и дышал уже неровно, гадая попутно, чего у нее произошло. Может, спросить потом?... Нет, не стоит. У нас так глубоко можно было лезть только в разные дырки, а в душу нет. Уйя, что она делает??

Надька как будто забылась. Она думала не обо мне, я это видел. Она сосала член яростно, иногда задевая зубами. За что я любил её обычную технику, так это за мягкость... она всегда делала паузы, чередовала поглаживания, разные повороты, ладошка ходила по стволу винтом, а рот вообще включался целиком только в самом конце. Она всегда целовала меня в бёдра, до колен и обратно, до яичек, пощипывала то там, то здесь губами, часто специально меня смешила — то хлюпать начнет, то член «потеряет» и шарит ртом рядом. Сейчас мне показалось, что она хочет меня кастрировать. Я был совершенно беспомощен, потому что она не выпускала мой орган изо рта, и я боялся ее отпихнуть, чтобы не пораниться. Она не давала мне ни секунды на отдых, ощущения были скорее болезненные, чем приятные, вернее, и то, и другое вместе. Язык настойчиво обрабатывал головку... туда — с сопротивлением, загибаясь внутрь, обратно — с подсосом, прижимая ее к нёбу. Меня начало колотить. Я чувствовал, что несколько чувствительных точек просто онемело, во всяком случае, кожа, а внутри не похорошему завязывается горячий мучительный узел. Я не мог расслабить ни ноги, ни спину, стало жарко, я так никогда не потел — ни на ней, ни на ком другом. Она прервалась на полсекунды, чтобы перенести центр тяжести... наверное, у нее затекла вторая рука или нога; в это время я чувствовал ее зубы, прихватившие крайнюю плоть. Потом она снова начала

заглатывать меня, полностью, злобно, неустанно, как автомат. Я кончил внезапно сам для себя, как и следовало ожидать, с болью. Я заорал. Мне стало от этого стыдно, но дело в том, что я не сразу понял, что я ору. Мне вдруг примерещилось, как раз в тот момент, когда выбрызнула сперма, что я повешен за член, что я сношаю огненную богиню (богиню-вагину, блядь, ну и поэт из меня в такой момент), которая висит на темноватом потолке и держит меня влагалищем. Я перед сессией обычно читаю фантастику. Должно быть, перечитал.

Потом мы лежали молча минут пять. Надька положила в рот жевательную резинку. Слава богу, хоть здесь все, как всегда. Я подумал, что сейчас она попросит меня уйти, потому что у нее дела. Может быть, она даже ждет другого мужчину. Но она меня не торопила и даже как будто успокоилась. Я поколебался, но все же спросил...

— Что у тебя случилось?

Она ответила тут же, охотно...

— Расстроилась я, Лешка. У моей племянницы есть мужчина, «новый русский». Роман крутят уже полгода. Тут он собрался уезжать за границу, надолго, а у Ленки месячные запоздали. Она сначала по дури устроила ему истерику, чтобы с собой взял, а потом ляпнула, что он ее бросает в положении. Он пообещал, что приедет и «разберется». Если правда беременная, даст денег на аборт, если пыталась его шантажировать, сначала шкуру спустит, потом бросит. Только поругались, она домой пришла — и пожалуйста, потекла. Две недели дома сидит, трясется.

— Так она, наверное, правда его шантажировала?

— Ну даже если и так, это ведь не повод ей жизнь ломать! Она не собиралась ни оставлять этого ребенка, ни замуж не просилась. Просто хотела с ним поехать. Молодая совсем девчонка. Я вот думаю, если ей забеременеть за это время?

— Фигня, он поймет, что срок не тот.

— Не обязательно. Если они купят обычный тест, срок там не видно. А если пойдут на УЗИ, то еще проще. Я работаю в той поликлинике, к которой она приписана. Как раз на УЗИ. Попадут либо ко мне, либо к моей подруге, я с ней договорюсь. Эмбрион я показать могу, а уж сколько ему недель, это не с его мозгами определять.

— А вдруг он ее куда-нибудь в платную клинику повезет?

— Он их связь не засвечивает. Молодая она.

Мне было лениво думать, что она имеет в виду. Одеваться тоже было лениво. Я сказал, чтобы не уходить...

— Ну, так ты же придумала всё. Чего волнуешься?

— Думаешь, получится?

— Наверное.

Она посмотрела на меня пристально. Я почувствовал неловкость, потому что не поддержал ее надежд. Я решил показать, что думаю над ее планами, и заметил...

— Только мужика надо выбрать постороннего, а то проблемы будут.

— Ты согласишься?

Я понял, что зря начал разговор. Дело было сомнительным. Девка, судя по всему, безголовая, если на нее нажмут, она этому «новому русскому» выболтает, от кого залетела. Мой папа был тоже «маленьким боссом», но именно маленьким. Чёрт, придется все же уйти.

Надька заметила, что я решил отказаться, и не дала рта раскрыть.

— Подожди! Ты посмотри на нее, у меня ведь фотография есть!

Она открыла тумбочку и выложила цветную фотку. У меня, честно говоря, от удивления глаза стали круглыми, как у мыши. Племянница была красоты редкой. Девчонка была в купальнике, на пляже, чьи-то руки-ноги были срезаны (она стояла там не одна, но кадр отформатировали под нее). Молоденькая, точно. Я всегда с возрастом промахивался, но эта какая-то подозрительно молодая. Но красивая! Очень! Правда, фотка была чуточку темновата, но я видел, что кожа у нее гладкая, никаких дефектов нигде нет, это точно. Я почувствовал, что начинаю волноваться. А кстати, как этот «новый русский» меня найдет? Надька знала только моё имя, мы познакомились случайно, в ее подъезде. Я там прятался от дождя и депрессии, а она ключ в своём замке сломала. Что она обо мне знает? Что я студент? Что у меня родители живут в Самаре? Мой универ и моя общага были отсюда далеко. Я вздохнул и сказал с каким-то дурацким презрением не знаю к кому...

— Я не хочу, чтобы она чистилась от моего ребенка.

Надька улыбнулась...

— Лёш, какой ребенок? Ему будет недели три. Никаких органов, три зародышевых листка, и все. Никакой нервной системы. Ему не будет больно. Он — ребенок для тех, кто его ждет. Для вас это кучка клеток, два-три миллиметра в диаметре.

Я неуверенно посмотрел на нее. Насчет ребенка я поверил. Насчет племянницы тоже. Прямая, опасная история. Я хотел в ней участвовать.

— А если она не залетит?

— Придется придумывать «выкидыш». Справку ей сделаю, но не знаю, как она это все сможет изобразить.

— А если они захотят оставить ребенка?

— Не захотят. Речь железно шла об аборте. Он просто хочет убедиться, что девочка его не использует.

— Хорошо.

Надька молча вышла. Я слышал, что она говорит по телефону из прихожей. У меня вспотели ладони. Я лежал, не шевелясь. Успею одеться, подумал я. Пока я прислушивался к ощущениям, которые по мне бегали вместе с мурашками. У меня такой красивой девчонки никогда не было. Я вообще с этим делом поздно начал, уже в институте. Однокурсницы соглашались, но тоже не самые яркие. Им всем любви хочется. Мне пока нет. Для меня секс — это не просто секс, это еще настроение. Но не любовь, погодим пока с таким тяжелым оружием.

Пока я размышлял, входная дверь хлопнула. Я в панике метнулся было к краю кровати — где, блин, мои трусы? Хотя бы? Но раздевался я в этот раз не сам и в изголовье ничего не обнаружил. Я откатился обратно на подушки, мышцы на животе сократились, член почему-то приподнял голову и слегка колыхнулся в такт моей акробатике. Она переступила порог. И Надька следом. Я вошел в ступор. Фотография врала. Девушка была раз в десять красивее, чем там. И еще моложе! Школьница, точно!! Причем не последнего и не предпоследнего класса! Бляха, во что я влип!

Девушка замерла возле дверного проёма. Она смотрела на меня во все глаза, напряженно, явно взволнованно. У меня руки только потели, а у нее тряслись, и от этого она мне моментально стала ближе.

— Вы договорились? — спросила она. Голос чудесный. А что в ней не чудесное?

— Да, — легко отозвалась Надька.

Я пришел в себя...

— Надежда, сколько ей лет?

— Четырнадцать, а что?

— Ты сдурела? Я не хочу сидеть за развращение!

Она улыбнулась...

— Хорошо. Давай мы тебя привяжем к кровати. И потом девушка тебя изнасилует.

Я заткнулся и покраснел. Я подумал именно про это... что Надька делает подставу, снимает все скрытой камерой, а потом меня кто-то обвинит в том, что я поимел девочку. Поимел ее, конечно, кто-то другой, а свалить хотят на меня. Но если меня действительно привяжут?... Только как я тогда буду её ебать-то?

Я молчал. Надька, тоже молча, достала из шкафа четыре разных ремня и пристегнула мои руки и ноги. Хуй торчал победно, а ведь я уже сегодня кончал, и красавица моя пока даже колготки не сняла. Однако когда Надька закончила меня обездвигивать (так себе, конечно, страховка, при желании можно освободиться, но зачем?), она стала раздеваться. Она не пряталась от моего взгляда, но смущалась. Когда на ней не осталось ни единой нитки, я почувствовал, что свалял дурака. Привязываться было не надо. Я хотел ее трогать! Ощущать! Она была вся как из золота, ноги ровные, колени красивые, пизда не бритая, вся в русских колечках, красивейшая попа, живота никакого, но не костлявая, маленькая грудь, без всяких уродливых набухших сосков, без дебильной бижутерии, где не ждёте, ничего ярко-красного. Она сделала маленький шаг ко мне. У неё ничего не тряслось, но ничего не казалось твердым, «накачанным». Она присела мне на ноги, выше колен, удерживая тело на весу. Концы волос коснулись моей кожи. У нее, оказывается, волосы ниже талии, я сразу не заметил. Она замерла, и мне показалось, что она не решается ничего сделать.

— Я помогу, — тихо сказала Надька.

«Не надо», — разочарованно подумал я, но меня никто не спрашивал. Надька принялась меня целовать. Мы никогда этим не злоупотребляли, и я удивился, что она, оказывается, такая искусница. Она часто отрывалась, язык и мягко вытянутые мне навстречу губы были все здесь, языком глубоко не лезла. Такие несерьезные, лёгкие поцелуйчики. Я впервые почувствовал, каким вкусным может быть язык. Она целовала все лицо, шею, а грудь, которая из блузки чуть высывалась, прикасалась к моему телу так же тихонько, как язык к языку. Я видел из-за надькиной спины верх девушки, но не видел ее руки. Она взяла мой член у корня. Прохладная рука. А у Надьки тёплые. Везде. Надька прилегла рядом на бок, ногой прижимаясь к бедру. Она одета. Она одета. Почти нигде нет ее мягкого щедрого тела. А эта — наоборот. Поднесла головку к своему влажному... Горячо. Не садится. Очень медленно тычет им куда-то. Я содрогаюсь. Надька ласкает руками мои ноги, уже сидит. Потом, мимоходом, провела рукой по телу девушки. Я чувствовал это так, как будто сам провел — не знаю, почему. Она касается моего хуя поверх ее неуверенной руки. Не так тут что-то, блядь, ну не так! Надька слегка изгибает ей спину, давя на крестец. Я чувствую, как хуй лезет куда-то, ползёт по такой пещере, в которой ему быть тесно. Как её новый русский с ней живет? Он пигмей? Она резко вскидывает зад, потом снова неуверенно садится. Я чувствую каждое дрожание её мышц внутри. Надька, дыша прерывисто, но очень тихо, покрывает моё тело поцелуями, мне от них жарко, я второй раз за день начинаю обливаться потом. Девушка ловит ритм, ее волосы нежно метут мои ноги, Надька одна передвигается свободно, я чувствую её грудь стопами, пальцами, каждой голенью. У меня узкие бёдра. Как хорошо. Ей

удобно двигаться. Хотя у нее такие длинные ноги, что... хватило бы бегемота обнять. Вверх и назад, вниз и вперед. А ведь она не кончит. И Надька тем более. Меня обслуживают две бабы. Кончу только я. Я что, сегодня именинник? Еще... Давай еще, узенькая... Дай мне... Дай мне. Когда Надька начинала целовать меня, её рот был для меня горячим. Сейчас он был прохладным для моего раскаленного языка. Я кончил в ту секунду, когда она оторвалась от моих губ, почти укусив. Я опять орал. Да хуй с ним, пусть стыдно.

Марево в глазах развеялось. Девушка уже оделась и уходила. У двери она обернулась и сказала решительно, обращаясь, кажется, ко мне... «Спасибо. Мне всё понравилось». Тётка остановила её, заставив проглотить какую-то таблетку. Девушка быстро проглотила и смылась.

Я лежал, тупо уставившись в потолок. Она дала ей противозачаточное. Что еще это может быть??

— Это подстава?

— Ты же сразу понял.

Надька застегнула те немногие пуговицы, которые были не в порядке на блузке, и стала меня отвязывать.

— А в чем смысл?

— Девочке хотелось начать жить половой жизнью. Она боялась, что первый раз ей будет больно и плохо. Я пообещала помочь, если получится, побыть рядом и даже привязать мужчину. Чтобы она сама всем управляла.

— Дурь какая-то. Я бы не сделал ей больно. Могла бы просто попросить.

— У тебя была когда-нибудь целка?

— Нет.

— Это важно.

Я скривился и стал одеваться. Одежда сразу нашлась. Мне было противно. Надо же, сука старая, как она меня просчитала! И что соглашусь, и что даже дам себя пристегнуть. Я подумал, что обязательно найду её племяшку. Так, сказать, что она мне тоже понравилась. А к Надьке я больше не приду.

Я заметил, что она за мной наблюдает. В общем-то, сам дурак, но очень хотелось её ударить. Кажется, она это поняла. Она сказала тихо...

— Я её пожалела. Я как вспомню свой первый раз, Лёха, мне тому козлу, который меня имел, мозги хочется выбить. У нас любовь была, не просто так всё. Он знаешь, что говорил, когда залез на меня? «Я не могу не кончить, я тогда себя неполноценным мужчиной буду ощущать». Я в луже крови лежала, своей, мне было больно, холодно, я его уже ненавидела. А он, когда кончил, сказал... «Ты не подмахивала совсем. Ну ничего, проживем — научишься».

— Заботливая ты, — сказал я, помолчав. — Как её зовут?

— А тебе это надо?

— Всё равно найду.

— Найди.

Я почувствовал к ней жалость. Мой член был в крови, я это только что заметил, когда одевался. Если бы я был в состоянии, я бы трахнул сейчас мою «неотложку», как надо было ее трахнуть в тот, первый раз. Но сил не было. Я придвинул её к себе, поцеловал нежно сначала в голову, потом в висок, потом в губы. Она улыбнулась мне признательно.

— Ну, эту девочку мы от стресса избавили.

— Ты на кого учишься?

— На психолога.

— Ха-а-а.

Потом я выпил с ней чаю и ушел. Сессию сдал, как ни странно. Правда, на это время я выпал из жизни. Когда я в следующий раз пришел к Надьке, мне открыл незнакомый мужик. Я так растерялся, что стоял столбом минуту. Ему надоело ждать, и он сам сказал, что квартиру прежняя хозяйка продала, а он здесь теперь живет. Значит, я был прав... вещей в прихожей, действительно, не хватало, Надька сидела «на чемоданах», когда я был здесь последний раз. Дверь закрылась. Я не знал, по какой потере грустить больше... по Надьке или по ее девочке, которой «всё понравилось». Не хватало обеих.